

Уильям Ф. Огборн

Из книги «Социальное изменение»^{*} Часть IV. Социальные рассогласования

Данный текст представляет собой русский перевод двух частей четвертого раздела книги «Социальное изменение» американского социолога Уильяма Огборна, первое издание которой увидело свет в 1922 г. В этих частях изложены основные положения гипотезы культурного лага, согласно которой изменения материальной культуры провоцируют адаптацию определенной части нематериальной культуры и эта адаптация занимает некоторое время, формируя лаг той или иной протяженности. Гипотеза культурного лага стала методологическим ориентиром последующих исследований Огборна, а также послужила отправной точкой дискуссий относительно взаимного влияния технического и социального прогресса и определяющей роли факторов материальной и нематериальной культуры. Перевод выполнен В.Г. Николаевым.

Ключевые слова: материальная культура, нематериальная культура, культурный лаг, адаптивная культура, социальные изменения

Сегодня часто приходится слышать, что мы живем в эпоху перемен. Никогда еще в истории человечества изменений не было так много и они не происходили так часто, как в наши дни. Это, следует заметить, изменения в культурных условиях. Климат меняется не настолько быстро; геологические процессы, влияющие на распределение суши и воды и их уровни, протекают так же медленно, как и обычно. Явно и биологическая природа человека меняется не быстрее, чем в прошлом. Мы знаем, что биологический человек меняется через мутации, а они происходят поистине очень редко, и у нас нет ни биологических свидетельств, которые могли бы показать, ни каких-либо оснований

^{*} Перевод сделан по источнику: *Ogburn W.F. Social Change, with Respect to Culture and Original Nature*. N.Y.: B.W. Huebsch, Inc., 1922. P. 199–213, 268–280.

думать, что мутации в ментальном или физическом человеке случаются сегодня чаще, чем в прошлом. Эти повсеместно на виду у нас происходящие изменения протекают в том великом культурном скоплении, которое составляет социальное наследие человека. Уже было показано, что такие культурные изменения в прошлом были весьма нечастыми, но в современную эпоху происходили все быстрее, пока нынешнее человечество почти окончательно не увязло в своих попытках приспособиться к этим нарастающим социальным переменам. Такая скорость социальных перемен может быть вызвана ростом изобретений, который в свою очередь делается возможным благодаря накопительной природе материальной культуры. Эти выводы вытекают из предшествующего анализа.

1. Гипотеза культурного лага

Скорость изменения в современную эпоху ставит очень важный вопрос о социальном приспособлении. Проблемы социального приспособления бывают двух видов. Одна проблема касается адаптации человека к культуре, или, наоборот, скорее, адаптации культуры к человеку. Эта тема будет рассмотрена в части V. Другая – вопрос о приспособлениях, возникающих в результате этих быстрых социальных изменений между разными частями культуры, что, несомненно, означает в конечном счете адаптацию культуры к человеку. Эта вторая проблема приспособления – между разными частями культуры – и будет сейчас предметом нашего рассмотрения.

Мы утверждаем: разные части современной культуры меняются не с одинаковой скоростью, некоторые части меняются гораздо быстрее других, а т.к. есть корреляция и взаимозависимость частей, то быстрое изменение в одной части нашей культуры требует переприспособлений при помощи других изменений в разных взаимосвязанных частях культуры. Например, соотносятся друг с другом промышленность и образование; следовательно, изменение в промышленности делает необходимыми переприспособления с помощью изменений в образовательной системе. Промышленность и образование – это две переменные, и если вначале происходит изменение в промышленности, а приспособление через образование за ним следует, то промышленность можно назвать независимой переменной, а образование – зависимой. Там, где вначале в силу какого-нибудь открытия или изобретения меняется одна часть культуры и это приводит к изменениям в какой-то части культуры, зависимой от нее, изменения в зависимой части часто возникают с некоторым запозданием. Величина этого лага варьируется в зависимости от природы культурного материала, но отставание может сохраняться многие годы, на протяжении коих мы можем говорить о разлаженности. Желательно сокращать период разлаженности, осуществлять культурные приспособления как можно быстрее.

Приведенное описание выносит на передний план проблему, которая возникает тогда, когда есть быстрое изменение в культуре взаимосвязанных частей, а скорости изменений в частях неравны. План обсуждения этого будет следующим. Сначала будет представлена гипотеза, затем она будет разобрана и проверена с помощью довольно полного рассмотрения фактов единичного случая, после чего мы

приведем несколько иллюстраций. Потом будут проанализированы в целом природа и причина феномена культурной разлаженности. Будет оценена величина таких культурных лагов, и в конце будет представлена их значимость для общества.

Итак, первая простая формулировка гипотезы, которую мы собираемся разобрать, будет следующая. Значительную часть нашей среды образуют материальные условия жизни, и значительной частью нашего социального наследия является наша материальная культура. Эти материальные вещи включают дома, заводы, механизмы, сырьевые материалы, промышленные продукты, продукты питания и другие материальные объекты. В пользовании этими материальными вещами мы применяем некоторые методы. Какие-то из этих методов так же просты, как техника обращения с орудиями труда. Но очень многие из способов использования материальных объектов культуры включают в себе более масштабные обыкновения и приношения, такие как обычаи, верования, философии, законы, правительства. Одной из важных функций правительства является, например, приспособление населения к материальным условиям жизни, хотя имеются и другие правительственные функции. Самнер называл многие из этих процессов приспособления *mores* (нравами). Культурные приспособления к материальным условиям между тем включают более широкую совокупность процессов, нежели нравы; они, несомненно, включают народные обычаи и социальные институты. Для целей предлагаемого анализа эти способы приспособления можно назвать адаптивной культурой. Следовательно, адаптивная культура – это та часть нематериальной культуры, которая приспособляется, или адаптируется, к материальным условиям. Какие-то части нематериальной культуры являются всецело адаптивной культурой, например некоторые правила, заключенные в обращении с техническими устройствами; какие-то части – лишь косвенно или частично, например религия. Семья создает некоторые приспособления, подстраиваясь под меняющиеся материальные условия, но какие-то из ее функций остаются постоянными. Следовательно, семья, согласно принятой здесь терминологии, – это часть нематериальной культуры, адаптивная лишь частично. Когда материальные условия меняются, это вызывает изменения в адаптивной культуре. Но с изменением в материальной культуре изменения в адаптивной культуре точно не синхронизированы. Возникает лаг, и он может иметь разную временную протяженность, захватывая порой много лет.

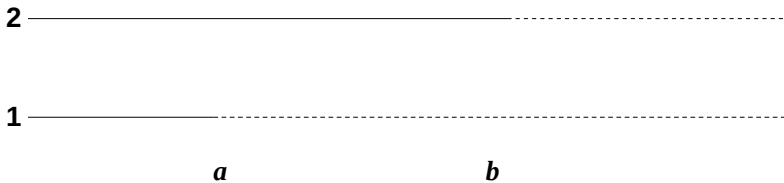
Пояснить эту гипотезу поможет наглядный пример. Одним из классов объектов, к которым мы приспособляемся, являются леса. Материальное состояние лесных массивов в Соединенных Штатах за последнее столетие сильно изменилось. Когда-то давно лесов для нужд небольшого населения было очень много. Было обилие древесины, легкодоступной для топливных нужд, строительства и производства. Леса были достаточно обширны, чтобы не допускать во многих крупных ареалах вымывание почв, и водные потоки были чисты. В сущности, были времена, когда казалось, что лесов с точки зрения людских нужд слишком много. Когда-то первой необходимостью для людей были пища и сельскохозяйственные продукты, и обычным занятием сообщества во времена первых поселенцев была очистка земли от деревьев и пней. В каких-то местах самой быстрой процедурой было уничтожение и сжигание деревьев

и растительности между пнями. Когда материальные условия были такими, метод приспособления к лесам отличался политикой, названной эксплуатацией. Эксплуатация в отношении лесов была поистине частью тогдашних нравов, и ею характеризуется часть относящейся к лесам адаптивной культуры.

С течением времени население росло, производство достигло высокого уровня развития, и потребность в лесах увеличилась. Леса меж тем губились. Особенно сильно это проявилось в Аппалачах, на Великих озерах и в районе Мексиканского залива. Политика эксплуатации сохранялась. Потом довольно внезапно в некоторых центрах мысли осознали, что если политика вырубki лесов будет продолжаться теми же темпами и в том же духе, то леса быстро будут погублены и скоро их станет не хватать для обеспечения потребностей населения. Было осознано, что обычай пользования лесами нужно изменить, и стали отстаивать политику их сохранения. Новая лесоохранная политика означает не только ограничение объемов лесозаготовок, но и более научный метод вырубki, а также лесовосстановление. Леса можно вырубать, отбирая деревья по размеру, возрасту и местоположению так, чтобы заготавливалось большое количество древесины и при этом не уменьшались площади лесных массивов. Также за счет правильного распределения участков под вырубку в том или ином ареале вырубку можно спланировать так, чтобы ко времени, когда будут вырубаться деревья на последнем участке, на участке, который был вырублен первым, уже росли молодые деревья. В некоторых ареалах после вырубki леса остается почва, подходящая для земледелия, в то время как в горных районах очищенная от леса земля малопригодна для сельского хозяйства. Есть, конечно, и много других методов сохранения леса. По идее, научное лесоводство довольно высокоразвито, хотя в Соединенных Штатах оно и не реализуется на практике. Новая адаптивная культура – культура сохранения – приноровлена, таким образом, к меняющимся материальным условиям.

То, что к охране лесов в Соединенных Штатах нужно было приступить раньше, общепризнано. Следовательно, можно сказать, что старая политика эксплуатации продержалась до утверждения новой политики дольше, чем следовало. Иначе говоря, материальные условия наших лесов изменились, но старые обычаи пользования лесами, когда-то хорошо соответствовавшие материальным условиям, задержались и перетекли в период изменившихся условий. Эти старые обычаи не только не адаптированы удовлетворительным образом, но и по-настоящему социально вредны. В этих обычаях, конечно, есть польза, раз они удовлетворяют некоторые человеческие потребности; но нужны методы более полезные. Судя по всему, после того, как материальные условия изменились, в нравах в отношении лесоводства есть некоторый лаг. Или, если перевести приведенный выше анализ в общие термины, сначала изменились материальные условия, а затем был некоторый лаг в адаптивной культуре, т.е. в культуре, адаптированной к лесам. Материальные условия изменились раньше, чем изменилась, подлаживаясь к новым материальным условиям, адаптивная культура. Эту ситуацию можно изобразить на рисунке. Линия 1 представляет материальные условия в отношении состояния лесов в Соединенных Штатах. Линия 2 изображает адаптивную культуру, политику использования лесов. Непрерывные линии изображают изобилие лесов при небольшом населении и обычаи эксплуатации, пунктирные линии –

новые состояния лесов, характеризующиеся их недостаточностью в соотношении с населением, и новую политику сохранения. Отрезок между *a* и *b* показывает период, когда старая адаптивная культура (или старые *mores*) сосуществует с изменившимися материальными условиями, и это – период разлаженности.

Рис. 1¹

Расположение точек *a* и *b* трудно определить с точностью. Рассмотрим сначала расположение точки *b*, или времени смены политики эксплуатации политической охраны. Политика сохранения лесов началась явно не раньше 1904 г., когда собрался первый Национальный конгресс охраны природы. Много действительных шагов в сторону охраны природы было сделано именно в годы администрации Рузвельта. Большие участки национальных лесных массивов были выведены из общественного доступа. Гиффорд Пинчот всюду разносил благую весть об охране природы, а Палата губернаторов, созванная президентом Рузвельтом, проявила немало интереса к природоохранным программам. В этот период на данную тему было написано много книг и статей в газетах и журналах. До тех пор о возникновении сколько-нибудь широкого движения за охрану природы вряд ли можно говорить. Правда, доклады на эту тему в научных обществах делались и раньше, и научное лесоводство уже в какой-то мере преподавалось, но идея сохранения лесов была пока еще малоизвестной, и движение определенно не было широким. Правительство тоже не предпринимало сколько-нибудь значительных шагов в подлинной политике сохранения. В сущности, можно уверенно утверждать, что мы до сих пор не приняли политику сохранения полностью. Ибо многие частные владения еще и сейчас эксплуатируются во многом тем же способом, что и в прошлом. Восстановление лесов все еще остается в Соединенных Штатах по большей части делом теоретическим. Правительство действительно сделало какие-то шаги для охраны лесов, но защитники природы на данный момент далеки от удовлетворенности прогрессом своего движения. Мы явно еще не вышли на тот высокий уровень, который был достигнут в этом отношении в Западной Европе.

Трудно локализовать также и точку *a*, т.е. определить, откуда вести отсчет природоохранного движения. Какие-то из элементов охраны лесов установились, вероятно, уже в прошлом веке. Так, разбиение постоянных лесных массивов на участки проводилось, возможно, вместе с расширением наших владений,

¹ График перерисован с издания: *Ogburn W.F. Social Change, with Respect to Culture and Original Nature*. N.Y.: B.W. Huebsch, Inc., 1922. P. 199–213, 268–280 (примеч. пер.).

а с проникновением населения в эти новые районы стали не допускать вырубку лесов на земле, малопригодной для сельского хозяйства. Во время Гражданской войны население довольно сильно выросло; вскоре пришла эпоха строительства железных дорог, а затем и бурное развитие промышленности, что обеспечило большое население и его концентрацию. Именно в это время вырубали удивительные леса в районе Великих Озер и колоссально возросла вырубка леса в Аппалачах. Некоторые внимательные наблюдатели тогда замечали, в какую сторону идет развитие населения и промышленности, но связь лесов с таким состоянием не оценивалась. Если бы научное лесоводство применили тогда, то многие из напрасно потерянных лесов еще существовали бы и по сей день приносили нам древесину. Не было бы того вымывания почвы, которое из-за этого случилось; была бы меньше опасность наводнений. Хотя какие-то из методов охраны леса, возможно, и применялись с пользой вскоре после колониальных дней, подходящее время для более широкого развития охраны лесов пришло, по-видимому, после Гражданской войны. Население росло; обживался запад; заселение достигло побережья Тихого океана; закрепились территориальные границы; повсюду быстро росли промыслы, железные дороги, фабрики, корпорации, тресты. Восток больше нуждался в охране лесов, чем тихоокеанский Северо-Запад или Аляска; тем не менее приблизительно в середине второй половины XIX в. широкое природоохранное движение, хотя развитие его в разных местах было неравномерным, утвердилось уже, по всей вероятности, по всей стране. Следовательно, в изменении нашей лесной политики можно разглядеть лаг величиной как минимум в четверть столетия.

Приведенное обсуждение лесного хозяйства иллюстрирует гипотезу, которую предлагается обсудить. Желательно яснее и полнее сформулировать моменты, содержащиеся в этом анализе. Первый момент касается степени приспособления – или корреляции – между материальными условиями и адаптивной нематериальной культурой. Степень этого приспособления может быть только более или менее совершенной или удовлетворительной; но к материальным условиям мы приспосабливаемся через некоторую форму культуры; иначе говоря, мы живем, удерживаемся на плаву благодаря этому приспособлению. Конкретная культура, приспособленная к материальным условиям, может быть очень сложной; к весьма однородному материальному состоянию может быть приспособлено на самом деле немалое число очень разных частей культуры. Для конкретной культурной формы, такой как семья или правительство, связь с конкретной материальной культурой есть лишь одна из ее целей, или функций. Не все функции семейной организации, как, например, любовная функция, являются в первую очередь адаптивными к материальным условиям.

Другой примечательный момент состоит в том, что изменения в материальной культуре предшествуют изменениям в адаптивной культуре. Это утверждение выдвигается не в форме всеобщего правила. Теоретически формы адаптации могли бы быть выработаны до изменения в материальной ситуации, и адаптация могла бы быть применена на практике одновременно с изменением в материальных условиях. Но такая ситуация предполагает очень высокую степень планирования, предсказания и контроля. Сбор фактов, думается, покажет,

что в настоящее время есть очень большое число случаев, когда меняются материальные условия, а уже потом происходят изменения в адаптивной культуре. Есть некоторые общие теоретические причины того, почему это так, но обсуждение их лучше отложить на потом. Пока же анализ будет касаться лишь тех случаев, когда изменения в адаптивной культуре не предшествуют изменениям в материальной культуре. Кроме того, мы вовсе не имеем в виду, будто в нематериальной культуре не может происходить изменений, пока материальная культура остается той же самой. Например, искусство или образование могут претерпевать многочисленные изменения при постоянстве материальной культуры.

Еще один момент в приведенном анализе состоит в том, что старая, не изменившаяся адаптивная культура не приспособлена к новым, изменившимся материальным условиям. Возможно, старая адаптивная культура никогда не бывает приспособленной к новым условиям полностью. Может иметь место лишь некоторая степень приспособленности. Нами выдвигается тезис, что не изменившаяся адаптивная культура была связана со старыми материальными условиями более гармонично, чем с новыми, и что новая адаптивная культура будет приспособлена к новым материальным условиям лучше, чем старая. Следовательно, приспособление – вещь относительная, и, наверное, лишь в немногих случаях мы будем иметь ситуацию, которую можно было бы назвать полным приспособлением или полным отсутствием приспособления.

Желательно, однако, воздержаться от более общего анализа, пока не будут тщательно рассмотрены конкретные случаи. Следовательно, теперь мы предлагаем проверить гипотезу фактами на одном отдельно взятом примере социального изменения. Пытаясь верифицировать гипотезу на конкретном примере с помощью измерения, мы сделаем следующий ряд шагов. Будут описаны старые материальные условия, соответствующая часть адаптивной культуры и показана степень приспособления между этими двумя частями культуры. Затем будут определены изменившиеся материальные условия и изменившаяся адаптивная культура и показана степень адаптации для них. Необходимо будет также показать, что не изменившаяся адаптивная культура приспособлена к новым условиям не так гармонично, как к старым, и не так гармонично приспособлена к новым условиям, как изменившаяся адаптивная культура. Когда мы дадим такую серию описаний, следующим шагом станет измерение лага, и сделать это надо будет путем нахождения точки изменения в материальной культуре и точки изменения в адаптивной культуре.

6. Материальная культура как источник современных социальных изменений

Остаются еще кое-какие соображения, относящиеся к тому, насколько широко гипотеза лага может быть обоснованно применена. Было показано, что когда материальная культура меняется, часто отмечаются лаги в старой адаптивной культуре, прежде чем осуществляются изменения, приносящие удовлетворительное приспособление. Это, конечно, не значит, что не может происходить изменений в нематериальной культуре и в той ее части, которая

адаптивна к материальным условиям, пока материальная культура остается постоянной. Возможно даже, что вначале изменение будет происходить в нематериальной культуре, а материальная культура будет приспосабливаться к такому изменению. Так, может измениться религия, а затем осуществляться адаптация к религиозным идеям, воздействующая на материальные условия, например в случае развития табу против употребления в пищу мяса тех или иных животных или развития архитектуры в моельных домах. Возможен прогресс науки, за которым следуют перемены в материальной культуре, которые можно рассматривать как адаптации материальной культуры к науке. Моралисты могут выступать с тезисом, что материальная культура приспосабливается к моральным принципам, а не мораль к материальным условиям. Следовательно, есть такие изменения в нематериальной культуре, которые происходят раньше и к которым материальная культура потом приспосабливается, и мы желаем знать, происходит ли в нашей современной культуре большинство первоначальных изменений в материальной культуре или в культуре нематериальной.

В связи с вопросом о том, заключено ли начало обширных культурных изменений, столь быстрых в современную эпоху, по большей части в материальной культуре или в нематериальной, следует напомнить, что очень многие изменения в материальной культуре вызываются изобретениями. Например, есть многие тысячи разнообразных машин для производства, и все они изобретены недавно. Происходит множество изменений в материальных факторах транспортных перевозок, осуществляемых с помощью пара, электричества и бензина по суше, по морю и в воздухе. Есть новые типы жилых домов; разнообразие новых типов потребительских благ поражает воображение. Откуда все эти многочисленные изменения в сегодняшней материальной культуре? И, в частности, следуют ли они за изменениями в нематериальной культуре и являются ли приспособлениями к различным формам нематериальной культуры?

Нам определенно не кажется, что использование пара, электричества или бензина осуществляется с целью приспособления к изменившейся форме социальной организации, к какому-то особому пониманию нравственности, к какой-то религиозной доктрине или иной форме нематериальной культуры. По-видимому, эти материальные изобретения делаются и принимаются ради удовлетворения индивидуальных нужд, ведь они приносят комфорт, покой, скорость, просвещение или богатство. Сила пара сберегает человеческую энергию, и пар используется для вращения механизмов вместо человеческой руки. Но внедрение паровой энергии порождает изменения в отечественном производстве, рост городов, перемены в положении женщин, новые причины войны. Оно влияет на уровень рождаемости, функции церкви и характер образования. Если бы, например, не были открыты эти источники энергии для вращения колесных механизмов, т.е. если бы мы все еще производили, пользуясь исключительно энергией людей и домашних животных, то было бы мало больших городов, не произошло бы концентрации производства на фабриках, производственная деятельность протекала бы по большей части на фермах и на дому, а положение женщины осталось бы во многом таким же, как прежде. Какие-то изменения в образовании, религии и морали произошли бы. Меж тем не вызывает сомнения, что влияния на материальную культуру, вытекающие из применения

силы пара, были глубочайшими. Думать, что пар был принят с намерением приспособиться к какой-то части нематериальной культуры, при этом нет оснований.

Несомненно, значительная часть нематериальной культуры является, в сущности, методом приспособления либо к материальной культуре, либо к природной среде, либо к ним обеим. Обобщенным описанием немалой части нематериальной культуры служит выражение «способы делания чего-то». Социальная организация, обычаи и мораль – это средства коллективного способа делания чего-то, во многом с природной средой и материальной культурой и по отношению к ним, которое осуществляется либо просто, напрямую и индивидуально, либо косвенно, отдаленно и коллективно. Следовательно, при изменении природной среды или материальной культуры такие методы поведения должны предположительно меняться. Хотя начальные изменения могут происходить путем изобретения в социальных институтах, религиях, законах и т.д., вряд ли кто-нибудь будет ожидать, что материальная культура будет часто меняться с целью выработки адаптаций к этим способам делания вещей.

Вместе с тем некоторые формы нематериальной культуры как способы делания ценятся ради их собственных целей и не имеют особой связи с материальными условиями. Так, искусство служит эстетическим желаниям, относительно свободным от соображений материальной культуры. Половой инстинкт функционирует, имея мало связи с материальной культурой. Религия как форма культуры удовлетворяет определенные потребности независимо от материальной культуры. А социальная организация может не только быть способом приспособления к материальным условиям, но и независимо обслуживать некоторые другие человеческие желания, такие как страсть к общению. Таким образом, у многого в нематериальной культуре есть собственные цели, которые могут достигаться почти в любой среде при очень малом использовании материальной культуры. Эта разница в природе частей нематериальной культуры привела нас в нашем анализе к выделению той ее части, которая теснее адаптирована к материальной культуре; и мы назвали ее адаптивной культурой. Хотя многое в нематериальной культуре и в самом деле не слишком-то адаптировано к материальным условиям, столь же верно и то, что материальная культура к таким типам неадаптивной нематериальной культуры не адаптирована. Иначе говоря, не следует ждать частых изменений в материальной культуре, нацеленных на приспособление к таким типам нематериальной культуры, как религия, искусство, церемонии и литература.

Было бы интересно узнать, есть ли в природе материальной или нематериальной культуры что-то такое, что обуславливало бы большую частоту изобретений в той или в другой из них. Аккумулятивная природа материальной культуры, приводящая к росту культурной базы, считалась в какой-то мере ответственной за значительное число нынешних материальных изменений. Является ли нематериальная культура тоже аккумулятивной? Порождает ли рост культурной базы и она тоже? Нематериальная культура столь разнородна по составу, что трудно даже в общем что-то предположить. Религия между тем не кажется особенно уж аккумулятивной, так же как и семейная организация. Искусство, литература, правление, видимо, в какой-то мере аккумулятивны, но, вероятно, не настолько, как материальная культура. Наука, похоже,

аккумулятивна в довольно высокой степени. Кумулятивный аспект обычаев, нравов и «способов делания вещей», видимо, базируется отчасти на кумулятивности материальной культуры. Возможно, стало быть, что растущая культурная база как непосредственный фактор производства изобретений или изменения более характерна для материальной культуры, чем для нематериальной. На изобретения и изменения влияют, разумеется, и другие факторы, и в прошлом нематериальная культура могла быть весьма разнородной и сложной, в то время как материальная культура – простой.

Сведения о податливости разных частей культуры изменению можно почерпнуть из исследований диффузии культуры. Что люди усваивают легче: материальную культуру или нематериальную? Уисслер, чьи исследования культурных ареалов американских индейцев дают превосходное представление о заимствовании культур одними племенами у других, отмечает:

В термин «культура», как его употребляют антропологи, включаются обычно такие группы черт, как социальная организация, церемониальные деятельности, искусство и материальная культура. Из них социальная организация, по-видимому, менее изменчива по сравнению с последними. Комплексы материальной культуры, связанные с питанием, жилищем и транспортом, внедряющаяся группа будет перенимать целиком. Далее, по всей вероятности, будут перениматься одна за одной ассоциированные церемонии, всегда находящиеся в тесной связке с производством пищи; они будут замещать собой те, которые сделались теперь бесполезными, и в конце концов втаскиваться в их социальные аналоги. Даже поверхностный взгляд на данные, накопленные до сих пор антропологами, покажет, насколько хорошо эта гипотетическая картина согласуется с фактами для нескольких культурных центров [Wissler, 1916, p. 661].

Хотя обобщение Уисслера, возможно, и верно для данных, с которыми он работал, утверждение, что материальная культура переносится из одной группы в другую легче, чем другие черты культуры, такие как социальная организация и церемонии, вероятно, верно лишь в общем или в среднем. Здесь много исключений и оговорок. Некоторые церемонии и религиозные движения разносились по территориям очень быстро. Однако утверждение, что вначале заимствуется материальная культура, а затем нематериальная, предполагает, что принятие изобретений, содержащихся в материальной культуре, будет происходить несколько раньше изменений в нематериальной культуре и что в связи с нематериальной культурой обнаруживаются такие препятствия для изменения, которых в случае материальной культуры мы не находим.

Предшествующий анализ был предпринят с целью разобраться, есть ли в природе культуры что-то такое, что указало бы нам на то, инициировалось ли огромное множество происходящих сегодня культурных изменений по большей части в области материальной культуры или в области культуры нематериальной. Если данный анализ верен, то подавляющее большинство изменений начинается, по-видимому, в материальной культуре, вызывая в дальнейшем изменения в нематериальной культуре. И хотя в нематериальной культуре могут быть какие-то изменения, не инициируемые и не вызываемые изменениями в материальной культуре, сами по себе эти изменения зачастую не вызывают

изменений в материальной культуре. Отсюда, следовательно, вытекает, что если большое число культурных изменений сегодня начинается с изменений в материальной культуре, провоцирующих затем изменения в нематериальной культуре, особенно адаптивной, то гипотеза лагов имеет широкую применимость. Насколько ощутимым будет этот лаг по временной продолжительности или по силе воздействия, можно определить в каждом отдельном случае только на основе анализа и измерения.

Эти соображения выводят на передний план материальную культуру как фактор сегодняшнего меняющегося общества. Эта ее приоритетная роль обусловлена тремя фактами. Во-первых, имеет место огромная аккумуляция материальной культуры. Во-вторых, материальная культура меняется очень часто и очень быстро. И, в-третьих, материальная культура вызывает массу изменений в других сторонах общества. Масштабы материальной культуры сегодня поражают воображение. Древняя Греция развила нематериальную культуру в высокой степени, если сравнивать с нами. Однако материальная культура Греции была гораздо менее развита. Также материальная культура современного общества гораздо более развита по сравнению с материальной культурой так называемых примитивных народов. Для этих народов среда и природные ресурсы имели очень большое значение, удерживая в заданных пределах их продовольственное обеспечение, жилищные условия и одежду. Климат, географические условия и природные ресурсы создали, например, многочисленные различия между жителями публо в Мексике, северными эскимосами и индейцами равнин. Сегодняшняя материальная культура, особенно со времен развития торговли, преодолевает навязанные климатом ограничения. А в силу ее размера и возрастающего значения приспособление должно осуществляться не только к географическим условиям, как это было в случае примитивной культуры, но мы должны также приспособливаться к материальной культуре. С точки зрения приспособления, следовательно, материальная культура заменяет в какой-то степени по значимости прежнюю географическую среду. Но с учетом этого различия материальная культура сегодня меняется чаще, в то время как изменения в географических условиях происходят медленно. Это заставляет проблемы приспособления проявляться снова и снова.

Само то, что материальная культура сегодня переживает такие быстрые изменения, указывает на значимость ее как причины социальных явлений. В анализе причин любого явления именно о тех факторах, которые изменчивы, говорят как о причинах. Изменчивость современной материальной культуры служит одним из оснований для широкого признания современной доктрины экономического истолкования истории. Этнологов теория экономического истолкования истории впечатляет, как правило, гораздо меньше, чем тех, кто исследует современную культуру, и скорее всего потому, что материальная культура в примитивном обществе никогда не была так велика и изменчива, как в современную эпоху.

Признание значимости материальной культуры в современном обществе вовсе не тождественно тому, что иногда называют материализмом. Обычно противопоставления, с одной стороны, материального и, с другой стороны, идеального, духовного, или религиозного, проводятся в отношении жизненных

ценностей, а не применительно к социологическим факторам. Влияние материальной культуры можно, конечно, признавать без отрицания влияния других культурных факторов. И, разумеется, можно работать в направлении приспособления материальной культуры к целям и задачам, согласующимся с идеалами и духовностью. Но только признавая значимость материальной культуры, социальные реформаторы могут надеяться на практическое ее изменение и управление ею.

Выводы

Развитие гипотезы, рассмотренной в этой главе, можно суммировать следующим образом. Материальная культура, меняясь, вызывает другие социальные изменения – в том, что названо здесь адаптивной культурой. Но вызванные таким образом изменения часто запаздывают, и в новых материальных условиях сохраняется старая адаптивная культура. Этот лаг в адаптивной культуре порождает период разлаженности, менее гармоничный в качестве адаптации по сравнению с предшествующим или последующим периодом. Эту гипотезу мы тщательно рассмотрели на примере компенсаций рабочим за несчастные случаи на производстве. Лаг в старой адаптивной культуре был измерен в годах, и гипотеза была верифицирована фактами. Мы рассудили, что схожее доказательство можно дать и во многих других случаях, и несколько таких вероятных случаев было здесь приведено. От дальнейшего подтверждения гипотезы данными и статистикой мы отказались ввиду недостатка места, и были изложены некоторые соображения по поводу природы и причин, дабы разобраться, насколько широко ситуация, описанная на примере компенсаций рабочим, распространена.

Исходя из природы материальной культуры и ее изменений, а также природы нематериальной культуры и ее изменений, мы сочли вероятным, что в настоящее время происходит много начальных изменений в материальной культуре, вызывающих изменения в других частях культуры. Мы сочли, что существуют особые силы и причины, заставляющие изменения в некоторых частях нематериальной культуры распространяться с меньшей скоростью, чем изменения в материальной культуре. Следовательно, имеется множество случаев, когда сначала меняется материальная культура, а другие социальные изменения, вызванные этим, следуют позже. В некоторых случаях эти лаги могут быть настолько небольшими, что практически не имеют значения, но в огромном множестве случаев эти лаги, приводящие к разлаженности, могут быть большими и в социальном отношении очень значимыми. Величина лага и серьезность разлаженного состояния должны измеряться в каждом случае конкретно. Громоздкость сегодняшней материальной культуры, быстрота ее изменения и значимость ее как источника других изменений в обществе делают роль материальной культуры в современном обществе в высшей степени важной.

Из того, что лаги в социальных движениях, вызывающие социальную несогласованность, возникают вслед за изменениями в материальной культуре, а в материальной культуре происходит много быстрых изменений, следует, что будет происходить накопление этих лагов и сбоев в приспособлении.

В соответствии с анализом, проделанным в части II, рост материальной культуры все больше ускоряется. Поскольку материальная культура будет продолжать аккумулироваться и изменяться с нарастающей скоростью, то культурные лаги, по-видимому, будут нагромождаться даже больше, чем в настоящее время. Такое развитие поистине ставит задачу для тех, кто будет направлять ход социального прогресса: устранять эти разлаженности, делая приспособления к материальным изменениям более быстрыми. Накопление таких культурных лагов, по-видимому, может доходить до того, что они будут изменены сразу все скопом. В таком случае происходящее, вероятно, можно описать словом «революция». Могут быть и другие ограничивающие факторы для такого хода развития. Наш анализ недостаточно полон и точен, чтобы что-то надежно предсказать. Но кое-какие тенденции в настоящее время выглядят несомненными.

Reference

Wissler, C. "Aboriginal Maize Culture as a Typical Culture Complex", *American Journal of Sociology*, 1916, vol. 21, no. 5, pp. 656–661.

Пер. с англ. к.соц.н. В.Г. Николаева

From the book "Social change, with respect to culture and original nature". Part IV. Social Maladjustment

W.F. Ogburn

This text is a Russian translation of two chapters of the fourth part of the book "Social Change, with Respect to Culture and Original Nature" by American sociologist William Ogburn, the first edition of which was published in 1922. These parts outline the main points of the cultural lag hypothesis, according to which changes in material culture arose adaptation of a certain part of non-material culture and this adaptation takes some time, forming a lag of one or another duration. The hypothesis of cultural lag became a methodological guideline for Ogburn's later studies, and also served as a starting point for discussions about mutual influence of technical and social progress and a determining role of the factors of material and non-material culture. The translation was made by V.G. Nikolaev.

Keywords: material culture, non-material culture, cultural lag, adaptive culture, social change